

ГРИГОР ЗОГРАБ

Рехан

В ту пору любил я пышность буйных кудрей. Облокотясь на скамейку, созерцал я черную россыпь волос, что вздымалась над снежно-белым затылком, — россыпь, полную безмолвного обаяния и приковавшую к себе мой взор.

О многом говорили мне эти волосы! Их немая красота таила в себе что-то пленительное — скромное и в то же время волнующее.

Издали взор мой следил за милыми извивами этих кудрей, их озорными прядями.

Неожиданным явился тот миг, когда обернулась *она* ко мне лицом своим. Образ прекрасный? Нет, конечно. Но до странности близкий сердцу и манящий. Усталый и грустный взгляд, как бы наделенный способностью застывать на том предмете, на который бывал устремлен.

Мне показалось, что этот взгляд испытывал меня, измерял, изучал удивленное выражение моих глаз. Несомненно, незнакомка осталась удовлетворенной этим испытанием. Появления и исчезновения улыбки на ярко раскрасневшемся лице ее были мгновенны. Смущенный румянец напоминал ленивые лучи заката, расплывающиеся на западе и заливающие небосвод пламенным багрянцем.

Мы чувствовали себя во власти безмолвной сердечной близости. Пожилые люди были с ней — отец и, вероятно, дяди, и в их присутствии, в особенности на глазах у злорадно поглядывающей толпы, переполнявший в эту пору Мерхюрдарский сад, вынужденная к осторожности незнакомка остерегалась часто встречаться со мной глазами; но следы томительного нетерпения читал я всякий раз на лице ее, как только, улучив удобное мгновение, она оборачивалась ко мне.

Передо мною было существо, взлелеянное в грезах юности моей; предмет всех стремлений моих находился тут, во всей своей неизъяснимой прелести.

В ее воле было не глядеть на меня, не улыбаться мне — ничто не могло ее принудить к этому, — все же я продолжал бы любить ее, следить за каждым движением ее, постоянно помнить о ней. Ее равнодушие ожившей статуи ни на волосок не могло бы подорвать моей веры в нее. Но я был счастлив — явственно ощущая, что чувства, меня волнующие, далеко не безразличны и ей. Незнакомка имела мечтательный и озабоченный вид, она глаз не сводила с моря, раскинувшегося гладкой пеленой и осыпаемого алмазами полнолуния; в безмятежности летней ночи деревья вокруг нас, казалось, замерли.

Воздух был напоен грезами, манившими и покорявшими нас обоих.

Время приближалось к полуночи, когда гуляющие начали расходиться. Луна скрылась. Поднялись и мои знакомые незнакомцы. Легкий кивок, понятный только нам двоим, напоминал о миге прощанья.

Следуя вдалеке, я провожал ее и в темноте едва различал пленительную головку.

Шли они медленно и тихо, и в безмятежной тишине долетал ко мне голос отца, — голос суровый и повелительный, требовавший покорности.

Я пожалел ее. Как тягостно ей жить с тираном-отцом! Цветок под сенью широколиственного дерева, правда, защищен от порывов ветра, но зато не озарен лучами солнца; там, дальше, другие цветы, отданные прихотливой власти стужи и бури, подвержены как опасностям, так и благам, — но кто из них счастливей?

Чувствую я, что моя знакомка — в тисках родительской опеки: ее робость склоняет меня к этой мысли. Кто она такая? Где она живет?

Наконец мои незнакомцы остановились неподалеку от школы миссионеров-«фреров», перед недавно выстроенным домом. Служанка с лампочкой отворила им дверь. Я сделал еще несколько шагов, чтобы взглянуть на девушку в последний раз. Первым вошел отец, по старшинству — остальные. Последней вошла она; я остался один шагах в десяти от дома.

Тогда пустился я его изучать. Обращен был он к спуску Куш-Дили и к ручью; что-то деревенски милое почудилось мне в нем.

Справа, в угловой комнате, внезапно блеснул свет, и с улицы я разглядел незнакомку уже с распущенными волосами — она подошла к окну полюбоваться Модайской бухтой.

Вслед за тем свет погас, и все мгновенно покрылось тьмой.

«О чем ты мечтаешь у окна, уронив голову в ладони? Легкий ветерок ласкает твои кудри, и мне отсюда видно, как по ним пробегает дрожь.

Не юноша ли грезится тебе, что повстречался сегодня вечером? Долгожданный и найденный незнакомец, что с первого мига встречи становится близким, — юноша, стоящий на улице у стены и мечтающий о тебе!»

Потом, утомленный неподвижностью, я принимаюсь шагать взад и вперед, не сводя глаз с окна. Чего я жду от нее? Слова, какого-нибудь знака, что мог бы стать несомненным доказательством нашего взаимного влечения?

В темноте мне трудно разглядеть лицо, закрытое руками, но россыпь кудрей я вижу явственно.

Молчаливо-неподвижная, она не решается первая заговорить.

И я, такой же робкий, как и она, тоже храню молчание, боясь смутить ее мечты. Постепенно свежеет. На улицах, раскинувшихся справа и слева, слышатся колотушки ночных сторожей.

Наверху ждет она, неподвижно, как мраморное изваяние, и внизу, глядя на нее, стою я, недвижимый и счастливый. Искрящиеся на горизонте звезды мало-помалу бледнеют. Ночь становится все более ясной, чистой и прозрачной, а вдали темная синь моря, теряя прежний блеск, стелется как черное покрывало на исполинском саркофаге.

Царящее вокруг величавое безмолвие уносит меня в иной мир, — в мир чистый и тихий, где нет других обитателей, кроме меня и моей незнакомки; вселенная вся отдана нам.

Пропели петухи; на востоке загорается полоска света; пышные волосы не покидают окна; ветерок ластится к ним, раздувая нежные пряди; свет разливается сильнее — занялась заря.

Я не ропщу на долгие часы бесплодного ожидания. Она — перед своим окном, бессонная, как и я, мечтательная, как и я...

Летят минуты — и вдруг на россыпь кудрей падает луч рассвета... пышный букет садовой травы — душистого рехана¹ трепещет под утренним ветерком.

И это букет рехана ждал меня до зари!

Как я мог этого не заметить? Смеюсь я над собой. И сержусь я на свою глупость...

Теперь, когда долгие годы пролетели с того дня, я благословляю тебя, пучок душистого рехана, что с такой ласковой щедростью радовал меня всю ночь напролет!

Обрел ты образ девушки, чтоб обмануть меня... И не жалею я тех страстных излияний, что так щедро расточал твоим листочкам.

Пусть наступит утро и разольет вокруг меня неумолимую силу своих лучей.

Для меня — ты вечно пребудешь пышными, прекрасными кудрями знакомой незнакомки.

¹ Рехан (араб.) — душистая трава (базилик). Распространенное женское имя на Востоке.